

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.А. Сухачёва

Проблемы образования детей и юношества в Российском Зарубежье (1920–1940 гг.)

Российская эмиграция «первой волны», ее история, научный, культурный и образовательный потенциал и человеческие судьбы в последнее десятилетие XX века стали в России объектом исследования многих гуманитарных наук. Культурно-образовательное пространство Российского Зарубежья — школьные и внешкольные учреждения, высшая школа и наука, одним словом, весь культурно-образовательный комплекс, который осуществлял важную функцию социализации и образования детей, молодежи и взрослого населения российской диаспоры, всегда был подлинным «островком» России. Исследование истории российской эмиграции немыслимо без серьезного осмысления проблем образования и педагогической мысли Российского Зарубежья. Сегодня их изучение становится важным направлением историко-педагогической науки, призванным восполнить этот пробел в исследовании истории, теории и практики отечественного образования, восстановить его целостность. Кроме того, такого рода исследования помогают осмыслить современные проблемы сохранения национальной культуры и русской школы в изменившихся политических и социокультурных условиях ближнего Зарубежья, окажутся полезными для анализа и прогнозирования образовательных процессов в среде мигрантов из бывших республик Советского Союза.

Образование детей и юношества в условиях эмиграции «первой волны» стало важным каналом социализации и адаптации эмигрантской молодежи, обеспечившим ее вхождение в «чужое» социально-экономическое и культурное пространство и фактором сохранения национальной идентичности, российской ментальности и культуры. Без воссоздания этой страницы истории российской эмиграции немыслимо целостное и объективное представление о сложных путях становления и развития образования молодого поколения России.

Одной из важнейших проблем, с которой столкнулась российская эмиграция, стало обучение и воспитание детей школьного возраста. По статистике

общее число детей, оказавшихся в эмиграции в Европе достигало 45–50 тысяч [20: с. 41]. Вся эта масса детей нуждалась во внимании и заботе. В результате возникли проблемы создания русской школы за рубежом, определения ее статуса и финансирования, разработки целей, задач и содержания образования, которые бы отвечали условиям эмиграции и национальным традициям воспитания детей и молодежи, подготовки учительства.

В результате энергичных усилий русских общественных организаций, которые ставили своей задачей культурно-просветительскую деятельность, открылись и успешно работали десятки русских учебных заведений по всей Европе. Наибольшее количество русских школ было открыто и впоследствии финансировалось Земско-Городским Комитетом. В некоторых государствах инициативу по открытию и содержанию русских школ взяли на себя Академические группы, различные благотворительные учреждения (Американский комитет помощи детям русской эмиграции, Комитет помощи русским беженцам в Лондоне), частные лица (профессор Т. Уиттимор, митрополит Платан, митрополит Филипп и другие).

Общее число русских школ и учащихся в них определяется различными исследователями неоднозначно. Данную статистику вело Педагогическое Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, рассылая анкеты в различные государства Европы. К сожалению, ответы и при том очень краткие поступали не отовсюду. Имеются данные о наличии к 1924 году 116 русских учебных заведений [32: с. 366] и о 90 школах [14]. В зарубежной русской школе насчитывалось более, чем 8 000 детей. Кроме того, 3 100 детей учились в школах русских меньшинств в лимитрофных государствах [31: с. 2].

Система российского образования в эмиграции носила либо государственно-общественный, либо общественно-государственный характер. Ее специфика заключалась в том, что официальное регулирование осуществлялось иностранным государством и его полномочными органами (лицензирование, утверждение нормативных документов, контроль, инициирование открытия, закрытие и тому подобное). Общественные организации эмиграции осуществляли педагогическое регулирование деятельности учебных заведений. За рубежом исторически сложилось два основных вида русских школ: школа русского меньшинства в государствах, входивших ранее в состав России (Финляндия, Бессарабия, Польша, страны Прибалтики), в которую влиялись дети эмиграции и собственно эмигрантская школа в центрах сосредоточения русского беженства. Они состояли из двух ступеней — начальной и средней. В зависимости от вида финансирования существовали государственные, общественные и частные русские школы.

Непосредственно педагогическими проблемами занимались русские профессиональные организации, объединявшие учительство и ученых (Объединение русских учительских организаций за границей, Педагогическое Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, Академические группы и другие). Педагогические проблемы русской зарубежной школы поднимались на педагогических съездах и совещаниях общественно-педагогических

организаций Русского Зарубежья, обсуждались на страницах печати, и решались на местах в учебно-воспитательных учреждениях. Русские общественные деятели, объединившись за рубежом в педагогические организации, разрабатывали цели и задачи обучения и воспитания, содержание образования в русской школе, методы преподавания. Много внимания уделялось решению насущных проблем русского учительства и учащихся.

Несмотря на многообразие форм существования, русская школа за границей стремилась выполнять идентичные цели и задачи. Одной из своих главных целей зарубежная русская школа ставила развитие в детях национального самосознания и воспитание в них любви к Родине и родной духовной культуре. Ни один педагогический съезд, ни одно совещание по проблемам русской школы не обходили этот важный вопрос.

Деятели зарубежной русской школы с первых лет ее существования выдвинули ряд принципов, на которых она должна быть построена: 1) русская зарубежная школа должна быть прежде всего школой национальной; 2) должна дать своим воспитанникам не только определенные знания, но и воспитание; 3) практическое направление школы — вторичный момент школьной политики, главное в ней — дать национальное образование; 4) стремление к возможной интенсификации преподавания и обучения [6: с. 9].

Общественные деятели рассматривали особенности воспитания детей в условиях эмиграции. Многие педагоги считали, что отрыв от родины и русского быта, ослабление роли семьи привели к кризису национального, нравственного и религиозного воспитания в ней. Под руководством профессора В.В. Зеньковского было проведено исследование морально-психического состояния детей, переживших ужасы революции, войны, эмиграции, распад семейных отношений [15]. Психика детей была подорвана. Состав учащихся в беженских школах, по сравнению со школами довоенной эпохи, был непривычным. Тысячи русских учащихся были оторваны от школы в связи с событиями мировой и гражданской войны. Вооруженная борьба сменилась борьбой за средства к существованию и заставила эмигрантскую молодежь задуматься о своем будущем. Бывшие солдаты и офицеры Белой Армии, до революции успевшие в лучшем случае проучиться несколько лет в гимназии или реальном училище, в возрасте 20–25 лет стали добровольно поступать в открывающиеся эмигрантские школы. Например, из учеников средних учебных заведений в Болгарии 45,5 % принимали участие в минувших войнах [1: с. 172]. Наличие в одном и том же классе учащихся разных возрастных групп осложняло работу учителя. Различие индивидуальностей учащихся дополнялось неодинаковым психическим развитием, разницей в установках на многие вопросы жизни. Пережитые ужасы войны, тяжелые лишения искалечили психику многих молодых людей. В результате перенесенных испытаний, характерными чертами данного контингента учащихся были невоздержанность, недисциплинированность, отсутствие привычки к самостоятельному труду и школьной жизни. Лишь в конце 20-х – начале 30-х гг. разница в возрасте учащихся одного и того же класса в основном выровнялась.

Характерной чертой жизни немалой части русских детей в эмиграции являлось отсутствие полноценной семейной атмосферы. Многие дети имели неполную семью, у других родители остались в России или погибли, некоторые вообще ничего не знали о судьбе родителей. Однако и полноценная семья не всегда выполняла свою важнейшую функцию — социализации личности ребенка. Тяжелые условия эмиграции заставляли родителей искать заработок вдали от дома и отдавать детей в интернат. Дети, живущие в семье, чаще всего имели неудовлетворительные жилищные условия, не хватало одежды, белья, обуви. Недостаток средств вынуждал ограничивать затраты на питание. Недоедание было основной причиной повышенной заболеваемости детей. Истощенный организм представлял благоприятную почву для развития болезней, связанных с пониженным иммунитетом. Более чем у половины детей наблюдалось малокровие в разных степенях. Нередко встречались случаи туберкулеза [7].

В этих условиях русская зарубежная школа дополнительно брала на себя функции семьи: воспитание, забота о здоровье, питании детей, снабжение их одеждой, обувью и прочее. Особая роль отводилась школьному и внешкольному воспитанию, которые строились на христианских, национальных и трудовых началах. Пристальное внимание уделялось нравственному воспитанию учащихся. В центре классической отечественной педагогики всегда стояло формирование гражданских качеств и идеалов у юношества, развитие у него высокой нравственности, чувства чести и благородства. Не прерывается данная традиция и в эмиграции. Русские педагоги искренне верили, что молодая поросль, сохранившая русскую культуру и национальный менталитет в зарубежье, внесет большой вклад в возрождение России. В связи с этим в Российском Зарубежье были тщательно разработаны вопросы национального воспитания детей и молодежи. В учебных планах русской зарубежной школы центральное место занимали предметы «Россики», организовывались воскресные школы, где изучались предметы только национального цикла, патриотическое воспитание осуществлялось в детских лагерях, молодежных организациях. «Дни русской культуры» способствовали становлению национального самосознания, стали подлинными праздниками, объединяющими все Российское зарубежье. Таким образом, в эмигрантской школе поддерживался и оберегался духовный менталитет России. Теоретики и практики образования, такие как В.В. Зеньковский, С.И. Гессен и другие придавали большое значение сохранению лучших национально-исторических традиций русского народа.

В.В. Зеньковский постоянно подчеркивал, что русская зарубежная школа должна быть не только проводником научного знания, но и активным пропагандистом русской культуры. Призвание школы, по его словам, быть «организацией интеллекта», обеспечивать «приобщение русской души к родной и общечеловеческой культуре» [19: с. 170]. Он выступал против односторонности уклада современной школы, забывающей за задачами обучения куда более существенную задачу воспитания. Главная задача школы, по убежде-

нию видного философа и педагога, состояла не в сообщении определенной суммы знаний, а в сохранении и укреплении духовных сил воспитанника [18: с. 15–18]. Большое внимание В.В. Зеньковский уделял развитию и обогащению эмоциональной жизни детей, формированию у них умения сопереживать, сочувствовать, проявлять милосердие, творить добро. Другой активный член Педагогического Бюро профессор И.Н. Малинин выступил в защиту основного образовательного уклона школы и ее роли в подготовке людей на уровне, соответствующем развитию мировой и отечественной культуры. «Школа, связанная с культурой, — доказывал он, — не может не быть проникнута интеллектуализмом. Школа должна выпускать из своих стен не просто взрослого человека, а человека культурного... Мы должны поднять молодежь до уровня современной культуры. Школа есть мучительный процесс насилия над душой ребенка, но если мы хотим сохранить и дальше развивать нашу культуру, то от этого насилия нам никуда не уйти» [23: с. 20]. Следовательно, основой построения содержания образования в русской зарубежной школе служило изучение национальной духовной культуры, являющееся средством становления личности на народной, патриотической основе. В то же время педагогами Русского Зарубежья выдвигалось требование не только национального, но и общечеловеческого воспитания. Целью общечеловеческого воспитания признавалось формирование личности, обладающей «наибольшей нравственной свободой, критическим разумом и проникнутой в своем духе началами всемирного братства» [22: с. 478]. Имелся и такой взгляд на воспитание, как «воспитание здорового юного поколения в духе личной инициативы и междучеловеческой солидарности» [29: с. 3]. Для достижения указанных целей учителям русской школы предлагалось применять следующие средства: а) претворять получаемые знания в нравственную личность учащегося; б) прививать практические навыки для жизни; в) применять приемы для прочного влияния на волю, ум и чувства учащегося; г) использовать воспитательное значение других языков и эстетики [8]. Эти положения и составили принципы системы нравственного воспитания в эмигрантской школе, направленные на формирование свободной, нравственно развитой личности с глубоким пониманием национальных и общечеловеческих ценностей.

Педагоги Российского Зарубежья стремились сохранить православную традицию в образовании и воспитании детей. С этой целью перед русской зарубежной школой стояли следующие задачи: «дать учащемуся твердое знание положительных теоретических истин и указать ему правила поведения, проникнутые христианским мирозерцанием; установить порядок школьной жизни в соответствии с основами православной христианской веры и русскими национальными началами; требованием неуклонного выполнения учащими и учащимися своего долга закалить волю последних и утвердить в их сознании, что благо каждого отдельного члена общества зависит от выполнения всеми до конца своих обязанностей» [9]. Таким образом, религиозное воспитание заполнило тот вакуум, который образовался в связи с потерей родины, нахождением в иной культурной среде.

Весьма показательно то, как протекала жизнь русских гимназий в Моравской Тржебове и Праге. В гимназиях была принята программа чешских реформированных реальных гимназий с добавлением русской истории, географии России, Закона Божия, русского языка и литературы. Преподавание всех предметов велось на русском языке. Изучение чешского языка было обязательным с первого класса. Подчиняясь школьным законам и распоряжениям, обязательным для всех чешских школ, гимназии стремились придать своим учебным заведениям национальный характер, сохранив некоторые особенности русского быта и лучшие традиции русской школы. В гимназиях учились не только дети русской национальности. Четвертая часть учащихся своим материнским языком считала чешский. Разнообразным было и вероисповедание учащихся. Однако все это не помешало созданию дружной школьной семьи. Гимназии характеризовались образцовым порядком, полной налаженностью академической жизни, хорошими материальными условиями и добросовестной работой педагогического персонала.

Много внимания уделялось физическому развитию детей (гимнастика, сокольство, игры на свежем воздухе). Трудовым принципом была пронизана вся жизнь гимназий. Дети выполняли повседневные обязанности по уборке помещения и приготовлению пищи, участвовали в починке одежды и обуви, заготовке топлива, переплете книг гимназической библиотеки, трудились в плотнично-столярной мастерской и так далее. Силами гимназистов была создана электрохимическая лаборатория, богатая коллекция насекомых, гербарий. Разностороннему развитию детей способствовала внеклассная работа. Имелось несколько художественных кружков, ученический театр, хоры (смешанный, женский и хор малышей) [33: с. 18–19].

О высоком качестве образования, получаемого в русской школе за рубежом говорили многие исследователи. М. Раев, к примеру, отмечает удачное совмещение традиционно высокой гуманитарной подготовки с изучением естественных дисциплин, знание как родного, так и ряда иностранных языков, развитие национального самосознания учащихся [34: с. 473].

Разработка единых школьных программ и учебного плана оказалась наиболее сложной проблемой для педагогической общественности. Она неоднократно обсуждалась на съездах и совещаниях педагогических объединений российской эмиграции в специально созданных Педагогическим Бюро программных комиссиях. Содержание образования в русской школе на протяжении десятилетия претерпело существенные изменения. Оно не было однородным даже в одной и той же стране. Так, русские гимназии, возникшие в Болгарии (Софийская, Петропавловская и Варненская) руководствовались учебным планом русских мужских гимназий, существовавшим до революции, с добавлением болгарского языка и истории Болгарии. Шуменская, Пловдивская и Пещерская гимназии работали по так называемой «игнатъевской» программе. Она, с одной стороны, сближала классическую гимназию с типом реальной школы, с другой — предусматривала непрерывность связанных между собой ступеней единой школы — от начальной до высшей. Отличие

между учебными планами русских школ, работающих по программе гимназий и по «игнатъевской» программе состояла в том, что в первых латинский язык преподавался с 3 класса (18 уроков), а во вторых с 5 класса (12 уроков); естественная история в первых преподавалась с 1 до 3 класса (6 уроков), во вторых — с 1 до 8 класса (13 уроков); рисование в первых — с 1 до 3 класса (6 уроков), во вторых — с 1 до 5 класса (13 уроков); во вторых, кроме того, в 8 классе преподавалось законоведение (2 урока) [34: с. 473].

Однако ни тот, ни другой тип средних учебных учреждений не отвечал сложным условиям эмиграции. Выпускники гимназий стремились поступить не только в университеты, но и в технические вузы. Для прохождения курса последних гимназическая подготовка оказывалась недостаточной. Изменения в содержании образования диктовались также требованиями социально-культурной жизни страны проживания, учета ее исторически сложившихся традиций. К этому обязывали субсидии на содержание школы, выдаваемые правительствами тех стран, где поселились эмигранты из России.

Местные ведомства по управлению образованием выдвигали свои требования, выполнение которых давало выпускникам русских гимназий возможность поступления в высшие учебные заведения данной страны. Например, в Сербии, Болгарии и Чехословакии условием получения государственных субсидий для русских школ и предоставления им всех прав местных гимназий являлось овладение учащимися местным языком в полном объеме школ страны проживания, а также изучение других предметов: в Сербии — геометрии, в Болгарии — естественной истории, химии, политической экономии и рисования [28: с. 573]. В итоге учебный план русских школ отличался как по количеству часов, отводимых на каждый предмет, так и по наличию или отсутствию самих предметов. Не удовлетворяло и конкретное содержание учебных программ. Так, совещание представителей русских учебных заведений в Болгарии (12–14 ноября 1924 года) отклонило программы по русскому языку и математике, присоединившись только к программе по литературе. Латинский язык присутствовал не во всех учебных программах русских школ в первые годы эмиграции. Некоторые учебные заведения изыали латинский язык из числа преподаваемых предметов, чтобы избежать перегрузки учащихся. Но отсутствие данного предмета не позволяло выпускникам обучаться на гуманитарных факультетах университета, кроме того, изучение латинского языка рассматривалось как обязательное для каждого образованного человека. Данное положение мотивировалось тем, что вся европейская культура имеет греко-римскую основу [16: с. 129].

За рубежом существовало несколько типов русских школ. Основные типы русских средних школ — классическая гимназия с двумя языками; реальная гимназия с латинским языком; гимназия нового типа, без древних языков, но с повышенными требованиями по двум новым языкам и математике; реальное училище с одним новым языком и с расширенной программой по математике. Функционировали также смешанные и гуманитарные гимназии, женские институты, кадетские корпуса, сельскохозяйственные и приходские училища и другие.

К начальной ступени обучения относились детские дома, начальные школы, школьные группы. В состав детского дома входили: детский сад, младший и старший подготовительные классы, иногда — три-пять классов гимназии. В состав начальной школы обычно входили две группы — младшая и старшая, имевшие от трех до пяти отделений. В младшей группе находились дети 5–7 лет. В старшую группу входили дети 8–9 лет, готовившиеся к поступлению в подготовительный или первый класс русской гимназии. Школьные группы создавались там, где концентрация русской эмиграции была низкой и школы было содержать нерентабельно. Они видели свою цель в том, чтобы не дать забыть детям ранее приобретенные знания и подготовить их к поступлению в гимназию.

Средняя школа была в основном организована по типу восьмиклассной гимназии с двумя концентрирами по 4 года в каждом. Первая ступень гимназии была общегуманитарной. Вторая ступень гимназии делилась на два направления — реальное и гуманитарное. Однако, из-за недостатка средств предпочтение отдавалось реальной гимназии, так как данное направление давало больше возможности поступления в вузы.

Реальные училища делились на собственно реальные и сельскохозяйственные. Реальные училища видели свою цель в подготовке русских детей, находившихся в эмиграции, к получению высшего или среднего специального образования. Их структура состояла из подготовительного и шести классов. Сельскохозяйственные училища строились по типу русской средней земледельческой школы с шестилетним курсом обучения.

Кадетские корпуса, эвакуированные из России, сохранили в своей основе распорядок военных учебных заведений. Изменения произошли в учебных программах, которые были приближены к общеобразовательной средней школе. В связи с этим был добавлен восьмой класс.

Другим типом учебных заведений были девичьи институты, сохранившие многие традиции дореволюционных институтов благородных девиц. Однако новые условия жизни потребовали внесения ряда коррективов. В результате содержание обучения в девичьих институтах было приближено к программам мужской гимназии. В учебных планах появились новые дисциплины — законоведение, педагогика, коммерческие науки. Различные типы средних учебных заведений за рубежом имели, даже в одной и той же стране, в своих учебных планах неодинаковые предметы преподавания, количество часов на их изучение и даже различное содержание программ по отдельным предметам. Видные общественные деятели педагогики Российского Зарубежья выступали за выработку общего учебного плана для каждой страны проживания, который давал возможность учащимся русских школ право поступления на любой факультет высших учебных заведений. Вместе с тем учебные планы и программы, разрабатываемые для эмигрантской школы, не имели обязательного характера и рассматривались как ориентиры для свободного выбора руководителями и педагогами школ. «Программы, как уже принятые, так и имеющие быть разработанными при Педагогическом Бюро, должны иметь только направляющее, и не обязательное значение» [16: с. 129].

Созданная при Педагогическом бюро программная комиссия составила примерную таблицу недельных часов для 8-ми классов русских школ. Наиболее приближенным к данной таблице оказался учебный план русских школ в Болгарии [13]. Значительное место в этом плане уделялось изучению русской и всеобщей истории, русского языка, естественнонаучных предметов (физика, космография, природоведение, химия, ботаника, зоология, анатомия, физиология). Предметы национального цикла, отечественная культура изучались в тесной связи со всеобщей историей, историей Болгарии, а также с изучением двух иностранных языков. Подобный учебный план успешно решал вопрос о сочетании в нем требований, предъявляемых к русской зарубежной школе. Благодаря рациональному распределению программного материала, обеспечивался необходимый уровень общеобразовательной подготовки школьников.

Согласование учебного плана всех типов русских учебных заведений определялось также необходимостью облегчения учебной нагрузки учащихся. Учебный план в русской школе был сильно перегружен изучением языков. Учащимся нередко приходилось изучать до 6 языков: русский, латинский, местный и три новых. Пребывание в чужой стране накладывало на русские школы обязанность изучения литературы, истории и географии стран проживания. И вся эта масса предметов была взвалена на плечи русского гимназиста. Времени для чтения, занятия музыкой, рисованием, для самостоятельной работы над материалом оставалось недостаточно.

Этот и другие вопросы программного характера были предметом детальных обсуждений в Педагогических Комитетах, на съездах педагогов и деятелей по народному образованию как в отдельных странах, так и на общих съездах педагогов Российского Зарубежья. В целях облегчения учебной нагрузки предлагалось во-первых, исключить некоторые предметы, без которых получение аттестата оставалось возможным (например, педагогика, политическая экономия, законоведение, государственное право); во-вторых, требовать обязательного изучения одного нового языка, а второго — по желанию; в-третьих, частично уменьшить число часов по отдельным предметам, но не ниже, чем в учебном плане страны проживания. Сокращение программ по русским национальным предметам было признано нежелательным, так как они сохраняли национальное сознание русских детей. Нельзя было понизить уровень знаний и по местным национальным предметам, поскольку выпускникам русских школ предстояло жить и работать в приютившей их стране.

В 1929 году во многих странах прошли съезды и совещания русских педагогов, которые вынесли постановление о сокращении гимназического учебного плана. С 1929–1930 учебного года начал действовать новый план, в котором ряд предметов был отнесен к факультативным. Так в Софийской и Шуменской гимназиях немецкий и английский, а в Варненской французский и немецкий языки, черчение, аналитическая геометрия, введение в анализ и начертательная геометрия были отнесены к факультативным предметам, изучение которых было желательно, но не обязательно.

Центральное место в программе зарубежной русской школы занимали дисциплины, получившие позднее название «Россики». Сюда относились русский язык и русская литература, история и география России, Закон Божий, законоведение, пение. Именно эти предметы должны были воспитать национальное самосознание русских детей, препятствовать их денационализации.

На педагогических местных съездах в Эстонии, Литве, Болгарии, Югославии, Польше обсуждение программ «Россики» занимало значительное место. Программы по указанным предметам, представленные разными школами, рассматривались на программных комиссиях Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, на 1 и 2 Педагогических съездах. На 1 Педагогическом съезде деятелей средней и низшей школы за границей (2 апреля 1923 года) были выработаны общие требования к учебным программам. Главная работа 2 съезда шла в предметных комиссиях. Съезд дал примерные программы предметов преподавания средней школы. Однако была принята только программа по географии. Разница в подходах и взглядах на содержание, распределение и объем учебного материала оказалась столь трудно согласуема, что съезд предложил Педагогическому Бюро дополнительно созвать совещания преподавателей национальных предметов. Возложенные на них задачи в значительной степени выполнили пленумы Педагогического Бюро в июле 1926 года.

Ведущая роль в сохранении родного языка и национальной культуры в эмигрантской школе отводилась родному языку, отечественной истории и литературе. Предполагалось, что будущие полноправные граждане России не просто изучат краткий курс истории и литературы родной страны, но и познакомятся с ее учреждениями, школой, знаменитыми деятелями в области науки, получат понятие о тех сторонах русской культуры, которыми она выгодно отличалась от культуры западной. На съездах русских педагогов, ученых, в печати неоднократно появлялись выступления против искажения и засорения русского языка в повседневной речи, в прессе и в самом преподавании. Целям национального воспитания служили такие предметы, как хоровое пение, танцы, ручной труд и рисование. На этих уроках осуществлялась духовная связь детей с Родиной, традициями и бытом народов России, с ее историей.

Отечественной истории выделялось особое место в русской школе как средству, наиболее влияющему на становление в народном и патриотическом духе. В программу тематического курса по русской истории было включено: 1. Образование русского государства. 2. История русской культуры в общих основных чертах с указанием главных рубежей как интенсивного развития культурно-просветительного движения, так и периодов застоя в культурном процессе в зависимости от разных исторических обстоятельств. 3. Бытовой уклад жизни русского народа на разных ступенях культурного развития и в разные периоды исторического процесса. При изучении быта подчеркивалась желательность обращения внимания на основные психологические черты характера русского человека. 4. Экономическая жизнь России: торговля,

промышленность, состояние народного богатства. 5. Крестьянский вопрос на протяжении всей русской истории. 6. Дворянский вопрос на протяжении всей русской истории. 7. Развитие русского законодательства. 8. Государственный строй России: а) идея абсолютизма; б) идея народного представительства. 9. Религия и Церковь. 10. Отношения с западноевропейскими государствами. 11. Роль России в международной политике. В кратком курсе русской истории в младших классах предлагалось осветить главные события, точные картины жизни русского народа, в которых ярко выражены характер народа России, его общий уклад жизни, обычаи, привычки. Между пропедевтическим курсом русской истории в 3-м классе и курсом русской истории в старших классах соблюдалась строгая преемственность [25: с. 57–58].

Изучение отечественной истории находилось в преемственной связи также и с историей русской православной церкви. Одним из основных предметов этого цикла был Закон Божий. Начальная школа изучала краткий курс священной истории Ветхого Завета в мессианском освещении. Практическое ознакомление с Храмом Божьим и священными предметами богослужения. История распространения христианства при апостолах. Знакомство с житиями святых.

Русский язык и литература являлись центральными дисциплинами цикла «Россика» в связи с тем, что зарубежная русская школа своей главной задачей видела сохранение родного языка [21: с. 80–82]. Были выдвинуты следующие программные требования: 1. Систематическое и основательное изучение грамматики и синтаксиса в трех младших классах с концентрическим увеличением знаний. 2. Частые упражнения в письменных работах с целью развития зрительной памяти и речи. 3. Систематически последовательное заучивание наизусть стихов и прозы. 4. Исторический подход при изучении русской словесности в старших классах.

Серьезные споры среди педагогов российской эмиграции вызвало введение нового правописания. В итоге было признано, что новая реформа в правописании способствует упрощению языка и является своевременной. Политические мотивы противников нового правописания были признаны несостоятельными. Особый акцент ставился на чтении образцов литературы, которое было призвано способствовать проявлению любви к родному художественному слову, улучшению правописания, развитию речи. Кроме того, подробный разбор русских художественных произведений имел большое воспитательное значение, так как с малого возраста будил в детях национальное самосознание.

Преподавание истории литературы было построено по концентрическому принципу. Начиная с первого класса, чтение отрывков литературных произведений велось в такой последовательности, что у детей к моменту прохождения систематического курса истории литературы имелось уже ясное впечатление о многообразии и красотах разных течений родной литературы. Систематическое изложение истории литературы с младших классов давало возможность расширить в старших классах курс истории современной рус-

ской литературы, а также познакомить с классическими образцами и западноевропейской литературы. Данная программа была выработана в жарких спорах. Возражение вызвало настойчивое требование А.П. Петрова преподавать историю русской литературы на всем протяжении курса средней школы. Оппоненты А.П. Петрова, С.И. Гессен, А.Л. Бем, С.И. Карцевский считали, что история литературы должна преподаваться в последних двух классах, предшествовать ей должен эпизодический курс литературы.

В первых четырех классах как обязательный предмет было введено выразительное чтение. Предполагалось прежде всего обучить детей правильно говорить по-русски, а затем развить в них художественное понимание и умение с настроением передать стихи и прозу [12].

Большое значение в деле национального воспитания и борьбы с денационализацией придавалось географии и пению. При преподавании географии главное внимание уделялось отечествоведению. С этой целью в первых четырех классах проводилось описание России с разных точек зрения:

1 класс — Краткое обозрение Российской империи.

2 класс — Подробное описание своего города, уезда, губернии и района.

3 класс — Природные богатства России и ее торговая связь с другими государствами.

4 класс — Подробное описание Российской империи [12].

Концентрическое построение учебного плана в русских школах было одной из ведущих тенденций его разработки. Программы по математике, физике, природоведению, языкам, по грамматике родного языка и Закону Божьему были построены по концентрическому принципу. Преподавание отечественной истории строилось в два концентрика: краткий курс в 1, 2, 3 классах по 2 учебных часа в неделю и систематический курс в 6, 7, 8 классах по 3–4 учебных часа [2: с. 20].

Другим важным принципом построения учебного плана служил учет возрастных особенностей учащихся и посильности изучаемого материала. Например, одновременное изучение трех иностранных языков было признано нецелесообразным. Изучение языка страны проживания предлагалось начинать с первого класса, первого нового — со второго, второго нового, как необязательного, — с третьего класса.

В учебном плане русских школ было ярко выражено стремление к установлению межпредметных связей. Так, краткая история русской церкви в 5-м классе находилась во внутренней связи с курсом древней русской литературы в 4 и 5 классах. Курс физики в 7-8 классах был согласован с изучением соответствующего материала по математике [13].

Однако даже самые лучшие учебные программы не могли бы дать положительных результатов при использовании устаревших методов преподавания. Данной проблеме также отводилось большое внимание в зарубежной русской школе. Продолжалась традиция применения лучших методов дореволюционной России, брались на вооружение новые методы Европы и Америки, создавались свои. Многие педагоги Российского Зарубежья выступали за активные и практические ме-

тоды обучения. Считалось, что их применение способствует накоплению множества ассоциаций на основе чувственных впечатлений и их психического резонанса [30: с. 240]. Приоритет наглядных, активных и творческих методов обучения способствовал стимулированию познавательной активности учащихся.

Предполагалось сосредоточить внимание на развитии у детей умения самостоятельно работать, логически мыслить, строить общие выводы из частных фактов, развивать наблюдательность и живую пытливость. Изменение методов преподавания носило жизненный, наглядный характер: индуктивный метод изложения материала, исторический характер изложения, введение элемента исследования, лабораторные занятия, внеклассное чтение, рефераты и так далее.

Официальные отчеты ревизоров и экзаменационных депутатов от центральных правительственных ведомств в разных странах свидетельствовали о высоком образовательном уровне оканчивающих русскую беженскую школу [1: с. 173]. Пережитые трудности заставляли еще больше ценить школу. Русская молодежь была уверена, что только через «знание, науку они, дети русской интеллигенции, смогут спастись от неминуемого деклассирования в изгнании и в наибольшей степени смогут быть полезными своей родине в будущем» [27: с. 17].

Литература

1. Бем А.Л. Школа и дети в эмиграции // Свободная Россия. – Прага, 1924. – № 3.
2. Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – 1924. – № 5.
3. Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – 1925. – № 7. – С. 33.
4. Бюллетень Педагогического Бюро. – 1926. – № 9. – С. 52–64.
5. Васильева СМ. Проблемы развития русской школы в условиях эмиграции (1918–1930 гг.) // Современные проблемы истории образования и педагогической науки: В 3 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 64–65.
6. Вестник самообразования. – Берлин, 1922. – № 5.
7. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 46. Д. 321–326.
8. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 48. Л. 59.
9. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 48. Л. 55.
10. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–37.
11. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 9. Л. 11–14.
12. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 9. Л. 33–37, 41–42.
13. ГАРФ. Ф. 5771. Оп. 1. Д. 5. Л. 95–98.
14. ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 46. Л. 230–233.
15. Дети эмиграции. – Прага, 1925.
16. Зеньковский В.В. Апологетика. – Париж, 1957.
17. Зеньковский В.В. Воспитательная проблема в школе // Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1925. – № 9. – С. 15–18.

18. *Зеньковский В.В.* Проблемы школьного воспитания // Русская школа за рубежом. – Прага, 1929. – Кн. 32.
19. *Елачич Е.К.* К вопросу о создании новой программы средней школы // Русская школа за рубежом. – 1924. – Кн. 8.
20. *Карцевский СИ.* Русская школа за границей // Своими путями. – Прага, 1925. – № 8–9. – С. 41.
21. *Киржаева В.П.* Преподавание русского языка в условиях эмиграции // Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья. – Саранск, 1997.
22. *Ковалевский Е.П.* Проблемы просвещения русского юношества // Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей в Белграде. – Белград, 1929. – Ч. 1.
23. Пленарное заседание Педагогического Совета // Русская школа за рубежом. – 1925. – Кн. 15.
24. Пленарное заседание Педагогического Бюро // Русская школа за рубежом. – 1926. – Кн. 21–22. – С. 377.
25. Программные материалы ко 2-му Педагогическому съезду Законоведение // Бюллетень Педагогического Бюро. – 1925. – № 8.
26. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры российской эмиграции. 1919–1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 296.
27. *Руднев В.В.* Условия жизни детей эмиграции. – Прага, 1928.
28. Русская школа за рубежом. – 1926. – Кн. 23.
29. Русская школа за рубежом. – 1926. – Кн. 25.
30. Русская школа за рубежом. – 1929. – Кн. 23.
31. *Словцов Р.* Школа в изгнании // Последние новости. – Париж, 1924.
32. *Сокольников Д.М.* Совещание о положении русской школы в Польше // Русская школа за рубежом. – 1929. – Кн. 33.
33. Студенческие годы. – Прага, 1923. – № 3–4.
34. *Шавельский Г.И.* Русская школа в Болгарии // Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей. 4.1. Приложение 2. – София, 1932.